

ТРАДИЦИОННОЕ И АКТУАЛЬНОЕ В ОПИСАНИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

УДК 811.116.1
ББК 81.2

Л.П. Колоколова
Lidia P. Kolokolova

Языковая репрезентация функционально-когнитивной оппозиции «счастье – несчастье» в макроконцепте «Жизнь человека»

Language representation Functional-cognitive opposition «happiness – misfortune» In the macro concept «Human life»

Аннотация: Статья посвящена когнитивному исследованию лексического пространства. В ней проблемы системности лексики анализируются с новых позиций. В качестве основного объекта рассматривается функционально-когнитивная сфера, в которой отражаются различные аспекты конкретизации глобального концепта в процессе речевой коммуникации.

Ключевые слова: антропоцентрическая парадигма; макроконцепт; функционально-когнитивная сфера.

Abstract: The article deals with the cognitive study of lexical space. The problems of vocabulary consistency are analyzed from a new angle. The functionally-cognitive sphere reflecting various aspects of specifying a global concept in the process of verbal communication is considered as the main object.

Keywords: anthropocentric paradigm; macro concept; functionally-cognitive sphere.

Исследование проблем, связанных с темой «человек в языке», стало особенно интенсивным в последнее время, налицо углубление таких глобалистических ситуаций, которые свидетельствуют о цивилизованном сдвиге, находящем свое отражение в бытии каждого человека. Следовательно, антропоцентрическая парадигма возникает в результате осознания того, что «язык, будучи человеческим установлением, не может быть понят и объяснен вне связи с его создателем и пользователем» [Кравченко, 1996, с. 87–90].

Большой вклад в разработку целостного понимания бытия человека внесли В. фон Гумбольдт и Э. Бенвенист. Именно В. фон Гумбольдт отметил, что «человек становится человеком только через язык, в котором действуют творческие первосилы человека, его глубинные возможности. Язык есть единая духовная энергия народа» [Гумбольдт, 1985, с. 36–42]. Э. Бенвенист одну из частей «общей лингвистики» так и назвал – «Человек в языке»; он указал, что в

мире существует только человек с языком, человек, говорящий с другим человеком, и язык, таким образом, принадлежит самому определению человека [Бенвенист, 2002, с. 256].

Возникновение антропоцентрической парадигмы в языкознании было предопределено, поскольку сам язык антропоцентричен по своей сути, «человек запечатлел в языке свой физический облик, свои внутренние состояния, свои эмоции, свой интеллект, свое отношение к предметному и непредметному миру, природе, свои отношения к коллективу людей и другому человеку» [Арутюнова, 1999, с. 354]. Взгляд исследователя перемещается с объекта познания на субъект, анализируется человек в языке и язык в человеке. В центре внимания оказывается личность носителя языка. Новый подход учитывает роль человеческого фактора в языке, вместо опоры на форму появляется опора на содержание, не на механизм, лежащий в основе языка, а на его применение.

Е.С. Кубрякова, определяя сущность антропоцентризма как основного принципа лингвистических исследований, подчеркивает, что «научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования. Человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективы и конечные цели» [Кубрякова, 1995, с. 144–156].

Таким образом, в центре антропоцентрического подхода эксплицитно провозглашается принцип постижения языка в тесной связи с бытием человека.

Человек становится центральным объектом исследования, поэтому уделяется большое внимание его месту в культуре. Информация об окружающем мире приходит к человеку через язык, поэтому человек живет в мире концептов, созданных им же для интеллектуальных, духовных, социальных потребностей.

Макроконцепт проявляется в языке как многомерная и многоуровневая сущность. Каждый тип значения связан с общим понятием разнообразными смысловыми отношениями, проявляющимися на глубинном уровне. Выражая наиболее абстрактное глобальное значение, макроконцепт составляет вершину концептуального класса и представляет всю совокупность знаний об объектах и ситуациях во всем многообразии связей и отношений. Таким образом, макроконцепт реализует семантический потенциал ментальной единицы и выступает как источник и отправной пункт всех смысловых модификаций общего понятия, создавая обширный фрагмент словаря.

Функционально-когнитивный подход к систематизации лексического пространства позволяет подойти к решению данной проблемы с опорой на речемыслительную деятельность человека и выделить качественно новые разряды лексики, которые составляют каркас словаря и организуют его структуру: они определяют как членение лексикона, так и семантические процессы, происходящие в отдельных блоках и лексемах. На наш взгляд, расчленение мира в деятельном аспекте находит отражение в объемных функционально-когнитив-

ных сферах (термин В.Г. Гафаровой и Т.А. Кильдибековой), которые представляют собой принципиально новый тип организации лексики.

Функционально-когнитивная сфера выступает в качестве обширных объединений слов, отличительными особенностями которых является объемность, разноплановость, многоаспектность. Основу функционально-когнитивной сферы составляет макроконцепт, который проявляется в языке как многомерная и многоуровневая сущность. Каждый тип значения связан с общим понятием разнообразными смысловыми отношениями, проявляющимися на глубинном уровне. Выражая наиболее абстрактное глобальное значение, суперконцепт составляет вершину концептуального класса и представляет всю совокупность знаний об объектах и ситуациях во всем многообразии связей и отношений.

Макроконцепт «Жизнь человека» имеет множество измерений, среди которых наиболее часто выделяют биологическое, психологическое, социальное, пространственное, субъектно-объектное.

Универсальные информационно-смысловые блоки выявляются во всех функционально-когнитивных зонах. К важнейшим языковым универсалиям, без которых «не может обойтись ни один из языков» [Сепир, 2003, с. 67], относится категория счастья. Функционально-когнитивная сфера «счастье» входит в число определяющих характеристик духовной сущности человека и представляет область личностного сознания. За лексемой *счастье* закреплены различные аспекты содержания и функционирования: *счастье* – это одновременно оценка человеком своей жизни и ценность, к которой следует стремиться; *счастье* – это «понятие морального сознания»; *счастье* – это эмоция; *счастье* – это интеллектуальная оценка – положительный баланс жизни; *счастье* – это блаженство, покой; *счастье* – это деятельность, борьба и т.д.

Таким образом, сфера «счастья» представляет собой объемное ментальное содержание, представляющее собой состояние полной удовлетворенности жизнью, чувство высшего удовлетворения, радости.

Счастье в рамках функционально-когнитивного словаря входит в семантическое пространство «Жизненный путь» [Ф-КСРЯ, 2013, с. 50–51].

Информационно-смысловой блок «счастья» тесно связан с субъектом, поэтому следует выделить такие понятия, как *женское счастье*, *родительское счастье*, *простое человеческое*, *мещанское*, *героическое счастье*. Ср.: *Семейное счастье Ризенфельдов рухнуло в один день: началась война...* (Э. Ремарк); *Женского счастья у Насти не было, наверное, уже и не будет...* (В. Шукшин).

Лексема *счастье* сочетается с прилагательными, функции которых состоят в передаче дифференцированных обозначений реалий: параметрических признаков, времени, оценки. Например: *счастье – великое, полное, заслуженное, большое, огромное, настоящее*.

В «Словаре сочетаемости слов русского языка» дается более последовательная семантическая структура существительных, которая опирается на сочетаемостные характеристики лексико-семантических вариантов. Так, в смысловой структуре лексем *счастья* выделяются следующие типы значений:

1. Счастье кого: человека, людей, матери, детей, Анны, народа, семьи;
2. Счастье чего: труда, материнства, победы;
3. Счастье трудиться, видеть кого-либо, чувствовать что-либо, знать что-либо, побеждать...
4. Искать, найти, беречь, чувствовать, ощущать, испытывать, выражать счастье;
5. Счастье переполняет кого-либо, светиться в чьих-либо глазах, написано на чьем-либо лице: *Известно, что истинное счастье человека в науке и труде* (М. Горький); *За время её болезни он впервые узнал и оценил счастье видеть её* (Л. Кетлинская); *Её сморщенное, всегда испуганное лицо сияло счастьем* (А. Чехов).
6. В счастье верить, к счастью стремиться, на счастье надеяться, о счастье думать; за счастье бороться, отдать жизнь, от счастья смеяться, улыбаться, плакать, сиять, светиться.

Все перечисленные аспекты *счастья* по существу слабо отграничены друг от друга. В разных контекстах любой из соответствующих признаков может выступать на первый план, становясь основным признаком. С точки зрения когнитивного содержания значение многозначного существительного *счастье* включает общеизвестные для данного говорящего коллектива типы знаний, представляющие собой «некоторое усреднение индивидуальных компетенций говорящих» (И.А. Стернин). При этом слова и их значения получают свое реальное существование только как часть глобального концепта, ориентированного на различные аспекты реализации общего понятийного содержания. Любое значение слова можно рассматривать как продукт классифицирующей деятельности человеческого сознания, как определенный этап формирования адекватного отражения того или иного понятия.

В связи с тем, что функционально-когнитивная сфера «счастье» неотделима от субъекта, в качестве ключевых понятий выступают наименования *счастливчик, счастливцев*. Лексема *счастливчик* в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова имеет следующую дефиницию: «человек, которому сопутствует счастье, удача» [ТСРЯ, 2005, с. 783].

Функциональный потенциал существительного *счастье* увеличивается за счет таких слов, как *удача, везение, фортуна, фарт, талант*. Ср.: *Счастье в игре для нее вопрос самолюбия* (А. Чехов); *Счастье в таёжной округе называлось фартом: исстари было переделано на русский лад чужестранное слово «фортуна»* (В. Саянов); *Дай волюшку, Там опять мне жить, где хочется, без талана, где талантится, Молодым кудрям счастливится* (А. Кольцов).

Важно отметить, что анализируемая сфера приобретает эмоционально-оценочное значение. Любое высказывание содержит в себе информацию о каких-то событиях, фактах и выражает определенную позицию по отношению к данной информации. Говорящий субъект неизбежно вкладывает в высказывание свою оценку, эмоции, волю. Способность лексических значений слов передавать эмоционально-экспрессивную окраску сопряжена с тем, что, помимо

номинативно-классифицирующей деятельности сознания, обслуживающей познавательные потребности человека, для него столь же естественно реагировать на мир эмоционально. Коннотативная функция передает отношение говорящего к обозначаемым предметам, явлениям, к ситуации или собеседнику. Это может быть пренебрежительное, ласкательное, ироническое, шутливое отношение к предмету речи. Выражение чувств и интенций субъекта осуществляется такими словосочетаниями, как *счастливая долюшка, безоблачное счастье, разбитое счастье*.

Остановимся на семантической оппозиции «счастье – несчастье».

Лексема *несчастье* в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова имеет следующую дефиницию: «горестное событие» [ТСРЯ, 2005, с. 414]. Анализ лексем, за основу которого принято ее функционирование, проявляющееся в сочетаемости, позволяет получить более точную картину иерархического соотношения отдельных значений. Так, в смысловой структуре лексем *несчастье* дается следующая сочетаемостная характеристика, представленная во фрагменте функционально-когнитивного словаря:

1. Несчастье большое, настоящее, страшное, ужасное, неожиданное;
2. Предчувствовать, пережить, предотвратить *несчастье*;
3. Несчастье произошло, случилось, стряслось, приключилось с кем-л., обрушилось, свалилось на кого-л., постигло кого-л. [Ф-КСРЯ, 2013, с. 49].

Лексема *несчастье* связана с такими словами, как *судьба, доля, участь, горемыка*. Ср.: *В одном только повезло ведуну – пожалел босого горемыку мужик из ближней деревни, вырезал ему из козлиной шкуры пару поршней* (И. Пронин); *Они стояли в длинных очередях, и каждая боялась, что та доля сострадания, которая еще, быть может, теплится за глухими дверьми, достанется не ей, а той, кто пройдет в эту дверь раньше* (А. Рыбаков); – *И все-таки твой долг – все вынести, раз это неизбежно; только глупые и безвольные говорят: «Я не могу вынести», если это их крест, предназначенный им судьбой* (Ш. Бронте).

Кроме того, семантический потенциал лексем *несчастье* расширяется за счет таких фразеологических оборотов, как *хлебнуть горя, узнать почем фунт лиха, выпить горькую чашу до дна, достаться дорогой ценой, плохо кончить* и т.д.

Таким образом, представленная функционально-когнитивная оппозиция «счастье – несчастье» является элементом типовой денотативной ситуации в широком смысле, включающей события, которые связаны с целенаправленным действием субъекта, определяющего целостность восприятия мира в соответствии с его чувственным опытом.

Итак, можно надеяться, что намеченные пути динамического описания семантической оппозиции «счастье – несчастье» будут способствовать составлению макроконцепта «Жизнь человека», различные аспекты которого найдут отражение в функционально-когнитивном словаре – идеографическом словаре активного типа.

Библиографический список

- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры. – 1999. – 896 с.
Бенвенист Э. Общая лингвистика / пер. с франц. – М.: Едиториал УРСС. – 2002. – 448 с.
Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс. – 1985. – 452 с.
Кравченко А.В. Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации. – Иркутск: Иркутский университет. – 1996. – 160 с.
Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. – М.: Наука. – 1995. – С. 144–238.
Сепир Э. Грамматист и его язык // Языки как образ мира. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica. – 2003. – С. 139–156.

Словари

- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М.: А ТЕМП. – 2006. – 944 с. (В тексте – ТСРЯ).
Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. – М.: Русский язык. – 2001. – С. 97–98.

References

- Arutyunova N.D.* Yazyk i mir cheloveka. – M.: Yazyki russkoj kul'tury. – 1999. – 896 s.
Benvenist E.H. Obshchaya lingvistika / per. s franc. – M.: Editorial URSS. – 2002. – 448 s.
Gumbol'dt V. fon. Yazyk i filosofiya kul'tury. – M.: Progress. – 1985. – 452 s.
Kravchenko A.V. Yazyk i vospriyatie. Kognitivnye aspekty yazykovoj kategorizacii. – Irkutsk: Irkutskij universitet. – 1996. – 160 s.
Kubryakova E.S. Evolyuciya lingvisticheskikh idej vo vtoroj polovine XX veka (opyt paradigmalnogo analiza) // Yazyk i nauka konca XX veka. – M.: Nauka. – 1995. – S. 144–238.
Ozhegov S.I., Shvedova N.YU. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. – M.: A TEMP. – 2006. – 944 s. (V tekste – TSRYA).
Sepir E. Grammatist i ego yazyk // Yazyki kak obraz mira. M.: AST; SPb.: Terra Fantastica. – 2003. – S. 139–156.
Slovar' sochetaemosti slov russkogo yazyka / pod red. P.N. Denisova, V.V. Morkovkina. – M.: Russkij yazyk. – 2001. – S. 97–98.

УДК 81'1-027.21+ 81-13

ББК 81.2

М. Стефанович
Marija Stefanović

О здоровом в сербском языке: к описанию концепта «Здравље»

**What is *healthy* in the Serbian language?
Towards description of the concept «Health»**

Аннотация: В настоящей статье анализируется содержание лексикографического толкования слова *здрав* (рус. *здоровый*) в репрезентативных словарях сербского языка с целью проверить, какие способы концептуализации здоровья вербализованы в словарях, а следовательно, и в

© М. Стефанович, 2017